

Манипулятивные переводческие приемы в информационной войне

З. З. Чанышева

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: chanyshevazz@yandex.ru

Статья посвящена обоснованию теоретического взгляда на появление нового вида переводческих расхождений в условиях информационной войны. Они представляют собой целенаправленные смысловые искажения исходного текста в его переводных версиях, мотивированные идеологической установкой переводчика. В качестве материала использованы переводные версии статей, подготовленные под заказ сотрудниками Русской службы влиятельных английских медийных изданий, для сопоставительного анализа с оригиналами.

Ключевые слова: идеология, информационная война, заказной перевод, переводческие несоответствия и искажения, знаки лингвокультуры, информационный терроризм.

В условиях нарастающей войны слов между политическими противниками переводчику современных политических текстов приходится постоянно сталкиваться с выбором переводческой стратегии, которая предопределяет результат его деятельности в зависимости от прагматической установки, задающей стартовый вектор в работе с оригинальным текстом. С одной стороны, это осознание предельной ответственности «перед автором оригинала, читателями перевода, своими коллегами и в конечном счете культурами ИЯ и ПЯ» [1, с. 12]. С другой стороны, переводчик как агент массмедийного поля, занимающегося производством и распространением информации, оказывается вовлеченным в борьбу за отстаивание определенной позиции, гарантирующей ему долю «в структуре распределения различных видов власти или капитала, обладание которыми управляет доступом к специфическим прибылям, находящимся в игре в данном поле» [2, с. 11]. Французский социолог П. Бурдьё уточняет понимание не журналистики как четвертой власти в обществе, а роли тех механизмов поля, которые подчиняют его требованиям рынка [3, с. 92]. Это утверждение можно в полной мере отнести и к полю политики, где действуют те же правила игры. В доказательство этого приведем известные примеры контролирования крупнейшими компаниями Адидас, Кока-Кола и др., процессом распределения права трансляции событий, а также сошлемся на факты принадлежности популярных изданий крупнейшим корпорациям (NBC принадлежит General Electric, CBS – собственность Westinghouse, ABC – собственность компании Disney, TFI – собственность Bouygues).

На фоне информационной войны переводчик часто вынужден иметь дело с текстами, основанными на лингвополитическом моделировании действительности, мало связанном с реальными событиями [4]. Предлагаемый стиль освещения, как правило, основан не только на откровенной лжи, но и преследует цель выражения открытой агрессии, углубления конфликтов. В обозначенном этим выражением новом типе политической культуры акцент делается на произвольном обращении с фактами, апеллировании к эмоциям, производстве и насаждении в массовое сознание ложной информации. Поскольку в этой войне главным орудием становится слово, возникают новые формы информационного терроризма, использующего разные формы контроля информационного пространства массового читателя.

Информационная война тесно связана с понятием *информационный терроризм*, возникшим в связи с использованием высокотехнологических ресурсов с целью сознательного злоупотребления цифровыми информационными системами в виртуальном пространстве [5]. Попытки конкретизировать формы информационного терроризма предпринимались в рамках кибертерроризма [6].

На наш взгляд, информационный терроризм следует рассматривать несколько шире, учитывая его возможности в современном мире. В более общем виде он может быть представлен как разновидность политического террора, который включает всевозможные проявления информационно-психологической войны и средства информационно-террористического воздействия. Информационный терроризм осуществляется в форме заведомо ложного сообщения, имеющего целью отвлечение внимания массового читателя от реальных событий, создание и усиление очагов международного напряжения, максимальное обострение политической ситуации, срыв усилий по упрочению мира, а также подрывную работу по дискредитации политики оппонента. Он включает установку на незаконное использование силы в определенных регионах или насилия против личности, политических групп или правительства, запугивание или принуждение к действиям, обеспечивающим достижение определенных политических или общественных целей.

Придерживаясь предложенного толкования информационного терроризма, можно установить роль перевода как набирающую популярность форму манипулятивного воздействия на массовое сознание. Подход к современному обществу как информационному, в котором на первый план вынесена информация и ее производство, позволяет обратить особое внимание на коммуникативные процессы как наиболее динамичные и управляемые человеком в информационной среде.

Понимание перевода как орудия информационного террора основано на признании возможности переводчика сознательно исказить смыслы оригинального текста, прибегая к различным приемам и уловкам в процессе передачи подлинника. Допускаемые неточности перевода определяются нередко идеологическим намерением и уста-

новкой переводчика достигать желаемого результата в межкультурном информировании читателя, когда целевой адресат не владеет языком оригинала и полагается на честность и ответственность переводчика. Наиболее явно эта задача выполняется при подключении переводов материалов англоязычных СМИ сотрудниками Русской службы авторитетных изданий, которые предлагают версии, допускающие грубые отклонения от оригинала, нередко преследующие цель смысловых искажений.

Рассмотрение перевода как площадки политической борьбы в разных ее формах сегодня приобретает особую значимость, хотя теоретически такая перспектива развития обосновывалась в ранних трудах теоретиков и критиков перевода (см. обзор в [7]). Известный бельгийский переводчик и теоретик перевода Андре Лефевр развивает концепцию трех видов патронажа в отношении переводчиков, имеющего идеологический, экономический и статусный компонент [8]. В более поздних публикациях обсуждаются конкретные направления политических и идеологических сверхзадач, которые ставят перед собой переводчики, пользуясь переводом как орудием информационного террора. Этому способствуют следующие условия, в которых протекает переводческий процесс. Во-первых, главной целью идеологически мотивированного перевода становятся идеологические императивы, определяющие (1) выбор политических текстов, которым отдается предпочтение в характере освещения событий и вынесении публичных оценок; (2) отбор исполнителей, подготовленных для осуществления ангажированного перевода, и жесткий контроль над их работой со стороны владельцев СМИ и редакционных изданий; (3) обеспечение площадок для публикации на страницах влиятельных газет и журналов с целью управления процессом и результатами информирования массового читателя; во-вторых, широко используются материальные стимулы, призванные оказывать финансовую поддержку исполнителям заказных переводов; создание благоприятных условий для размещения такой продукции на первых страницах качественной прессы; в-третьих, непрерывно обновляемый процесс выбора стратегий, тактик и приемов перевода, преследующих цель управлять созданием и передачей контролируемого информационного потока, в котором переводу отводится особая роль.

По нашим наблюдениям, в последнее время в статьях мейнстримовского жанра в современных СМИ и их переводах наблюдается отход от классического различения факта и оценки. Факт теряет свою характеристику действительного / реального явления, и на первый план выходит форма его подачи, что и создает возможность кривотолков и субъективизации так называемой «фактической» информации и его замену фейковой.

Целенаправленные смысловые искажения наиболее характерны в переводе оценочной части политического нарратива, которая отражает тенденцию субъективной оценки происходящих событий. Субъективизация информации в условиях обострения конфронтации является основным орудием информационного терроризма. Неслучайно в последнее время создаются новые информационные средства для распространения

тотального вранья. ВВГ (Broadcasting Board of Governors – Совет управляющих вещанием), созданный в 1999 году официальный сайт американского правительства, курирующий деятельность Voice of America и Radio Free Europe/Radio Liberty, запустил в феврале 2017 года русскоязычный новостной канал Current Time с амбициозными целями передавать сообщения о реальных новостях, реальных людях и реальном времени. На самом деле, настоящая цель канала заключается в осуществлении новой стратегической цели – «расшатывании» ситуации внутри России информационными методами.

Рассмотрим способы искажения фактов и их субъективного толкования, которые происходят в процессе перевода и приравнивают использование слова орудию насилия, средству запугивания, инструменту нагнетания страха у массового читателя в политических целях.

В качестве орудия используется как полное искажение фактов, так и соответствующее оценочное оформление комментария. В статье *“Jared Kushner’s Role is Tested as Russia Case Grows”* [9], обсуждающей проблему отношений между Д. Трампом и его зятем, фоном служит информация об ухудшении отношений с Россией, которая в русскоязычной версии под названием *«В водовороте обвинений, связанных с Россией, проверяются на прочность отношения между Кушнером и Трампом»* [10] занимает в статье центральное место и подается в оценочном оформлении, насыщенном негативными коннотациями. После избрания Д. Трампа президентом проблема двусторонних отношений не сходит с первых полос СМИ, как видно на примере из перевода Русской службы ВВС *«Путин: При Трампе Россия доверяет США меньше, чем при Обаме»* [11]. В использованной структуре заголовка, в соответствии с принятым стандартом в английских СМИ, на первое место вынесено указание на источника этого сообщения. Согласно предложенной формулировке руководитель России отмечает снижение уровня доверия при новом американском президенте. Во влиятельной CBS News это сообщение было упаковано в другую более устрашающую форму *“Putin says U. S-Russia relations “degraded” since Trump took office”* [12]. В результате сообщение не только усиливает тенденциозную подачу факта (degrade – to cause people to feel that they or other people have no value and do not have the respect or good opinion of others), но и переводит конфликт из личностного формата в межгосударственный. В этой версии информация приобретает более зловещее звучание, поскольку подчеркнуто ухудшение двусторонних отношений в целом, а не только снижение уровня доверия США со стороны России.

В связи со слухами о российских хакерских атаках на базы данных во время предвыборной президентской кампании в США в прессе появились сообщения, содержание которых существенно отличалось в модальности эвиденциальности в англоязычных и русскоязычных версиях. В английской версии газеты ВВС News эта новость была оформлена в виде недоказанного предположения о полном соответствии этих слухов

реальным событиям “*US expels Russian diplomats over cyber-attack allegations*” [13]. Эта модальность выражена в слове *allegations* (an assertion unsupported and by implication regarded as unsupported) [14], обозначающем утверждение, которое квалифицируется авторитетным словарем как голословное и подразумевающее невозможность его доказуемости. Кроме того, английское *allege*, по свидетельству опытного переводчика П. Р. Палажченко, привносит в текст дополнительную негативную коннотацию в форме обвинительного тона против политического оппонента, подозреваемого в нечестных закулисных махинациях [15]. В русскоязычной версии этого же сообщения, подготовленного переводчиками Русской службы BBC «*США высылают российских дипломатов и вводят новые санкции из-за кибератак*» [16] произведен ряд трансформаций за счет его дополнения сведениями о введении новых санкций против России и одновременно радикального изменения модальности: мотивировка решения американской администрации (главный редакторский центр) выносится в структуре русского предложения на сильную конечную позицию, делая акцент на якобы политической обоснованности этого шага. В то же время информация о мерах США в отношении недоказанных обвинений против России теряет свою остроту, будучи преднамеренно смещенной, по канонам английской грамматики, на вторую по значимости редакторскую позицию. При этом коннотация предположения полностью игнорируется и заменяется на якобы вполне достоверную информацию, что, благодаря манипуляции с модальностью, массовый читатель не заметит и примет за чистую монету.

С целью усиления негативных коннотаций при переводе оценочной части текста, которая сопровождает описываемый факт, применяются не только языковые ресурсы, но и манипуляции со знаками лингвокультуры, обладающими общезначимой культурно-исторической и смысловой информацией: прецедентные явления, символы, образы и др. В следующем примере использовано выражение *Occupy Abay*, созданное на базе прецедентного имени *Occupy Wall Street* ‘...*hundreds of Russians have camped out at Chistye Prudy, nicknamed Occupy Abay after the statue of a 19th-century Kazakh poet that is the anchor of the sit-in, a boulevard in the centre of Moscow.... Inspired in style by the global Occupy movement, the protest is the clearest sign of that opposition in Russia* [17]. Налицо неоправданное преобразование смысла указанного символического образа, который в заимствованной версии модели «Захвати» применен в описании выступлений оппозиции в России, имеющих иную смысловую подоплеку: известно, что Уолл-стрит является олицетворением всей финансовой системы США, Абай Кунанбаев – казахский поэт, философ, композитор, просветитель, мыслитель, общественный деятель, выступавший за сближение с русской и европейской культурой. В данном случае происходит перенос ценностных ассоциаций символов, сформировавшихся в американской культуре, на политические события иного характера в другой стране. События на улице Уолл-стрит в Нью-Йорке (в сентябре 2011 г.) изначально наделены иным смыслом и воспринимаются как символ протеста против финансовой элиты США с целью

привлечения внимания к ее преступлениям. Однако, на страницах ряда зарубежных СМИ широкое использование данного мифа о протестном движении «Захвати ...» преследует цель внушить мысль о любом протестном движении, его губительных последствиях, приводящих к хаосу, беспорядкам, национальной катастрофе, и, следовательно, миф превращается в символ угрозы стабильности, знак вызова и неповиновения властям.

Апелляция к знакам «чужой» лингвокультуры позволяет вторгаться в пространство ксеносмыслов и производить с ними всевозможные манипуляции. Перевод знаков лингвокультуры на уровне применения формальных трансформаций заимствования не представляет большого труда, но возникают значительные сложности в отношении освоения их содержания. Как известно, знаки лингвокультуры наделены специфическим культурно-ценностным содержанием, верная интерпретация которого происходит в рамках «своей» культуры, а для инокультурного адресата частенько представляет книгу за семью печатями. Но это обстоятельство может играть на руку безответственным переводчикам. Работа со знаками лингвокультуры в процессе перевода создает идеальные условия для манипуляции массовым сознанием, поскольку переводчик действует в национально-смысловых пространствах двух лингвокультурных сообществ, что позволяет ему трансформировать смыслы по своему усмотрению.

Таким образом, в условиях идеологической конфронтации политических противников возрастает роль переводчика на фоне усиления воздействующей силы слова. Исследованный материал сопоставительного освещения событий в современных СМИ позволяет пополнить типологию переводческих ошибок еще одним критерием: с одной стороны, ошибки и несоответствия текстов на ИЯ и ПЯ могут быть непреднамеренными и допускаются по объяснимым причинам; с другой стороны, переводческие расхождения с оригиналом могут быть результатом целенаправленных решений и, как правило, мотивированы общей установкой переводчика, работающего под заказ.

Литература

1. Бузаджи Д. М. Закалка переводом. Об идеологической стороне переводческой практики и преподавания перевода. Мосты. М.: Р. Валент. №1 (29). 2011. С. 1–12.
2. Шматко Н. А. Блеск и нищета масс-медиа. Предисловие к книге П. Бурдые. О телевидении и журналистике. Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой. М.: Фонд научных исследований "Прагматика культуры", Институт экспериментальной социологии, 2002. С. 7–19.
3. Бурдые П. О телевидении и журналистике. Пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой. М.: Фонд научных исследований "Прагматика культуры", Институт экспериментальной социологии, 2002. С. 7–19. М.: Институт экспериментальной социологии, 2002. 157 с.
4. Блинова Н. В. Лингвистическое измерение мировой политики: испанофобия в контексте глобализации: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб. 2009. 24 с.

5. Keyes R. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. URL: <https://ru.scribd.com/book/182532192/The-Post-Truth-Era-Dishonesty-and-Deception-in-Contemporary-Life> (дата обращения: 01.08.2017)
6. Weimann G: How Modern Terrorism Uses the Internet. URL: [Www.Terror.Net](http://www.Terror.Net) (дата обращения: 20.06.2017)
7. Translation. History. Culture. A sourcebook. Ed. by A. Lefevere. New York: Taylor & Francis e-Library, 2009. 182 p.
8. Lefevere A. Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame. L-n: Routledge. 1992. 170 p.
9. New York Times https://www.nytimes.com/2017/05/28/us/kushner-trump-relationship-russia-investigation.html?_r=0 (дата обращения: 15.06.2017)
10. <http://www.fair.ru/vodovorote-obvinenii-svyazannyh-rossiei-proveryautsya-17052912525071.htm>
11. <http://www.bbc.com/russian/news-39575951> (дата обращения: 10.10.2017)
12. CBSnews <http://www.cbsnews.com/news/russian-president-vladimir-putin-says-u-s-russia-relations-worse-under-trump/> (дата обращения: 10.07.2017)
13. <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-38463025> (дата обращения: 25.09.2017)
14. <https://yandex.ru/search/?text=merriamwebsterdictionary&lr=172&clid=2039344>
15. Палажченко П. Р. Мой несистематический словарь (Из записной книжки переводчика). М.: Р. Валент, 2003. 304 с.
16. http://www.bbc.com/russian/news-38464443?ocid=socialflow_facebook (дата обращения: 15.07.2017)
17. Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/world/2012/may/13/russian-protests-march-occupy-abay> (дата обращения: 21.06.2017)

Статья рекомендована к печати кафедрой английского языка и межкультурной коммуникации Башкирского государственного университета (д-р филол. наук, проф. Шафиков С. Г.)

Manipulative translation mismatches as a tool in information war

Z. Chanysheva

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: chanyshevazz@yandex.ru

The article aims at substantiating a view on translation mismatches as a tool in information war. Such mismatches are qualified as purposeful semantic distur-

tions of a source language text in its translation versions. Such translation discrepancies are motivated by a translator's ideological approach and ultimate aim. The author makes use of translation versions of articles made by the Russian service translators of authoritative English media sources for their comparative analysis with original texts.

Keywords: ideology, information war, made- to-order translation, translation mismatches and distortions, signs of linguaculture, information terrorism.